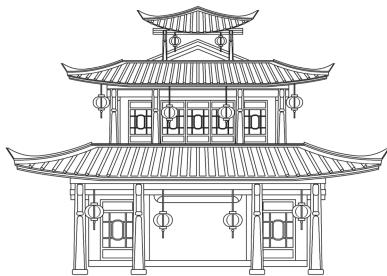

ЛиСЬИ ЧАРЫ, или Легенды об оборотнях

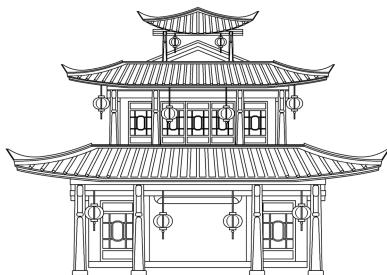
ПУ СУНЛИН

КОМИЛЬФО
комиксы и не только

Москва
2025

ЛиСЬИ ЧАРЫ, или Легенды об оборотнях

ПУ СУНЛИН

КОМИЛЬФО
комиксы и не только

Москва
2025

УДК 821.581-32
ББК 84(5Кит)-44
П88

Перевод с китайского, вступительная статья
и комментарии Василия Алексеева

В оформлении обложки и во внутреннем оформлении
иллюстрации *draft.Anna*

- П88 **Пу Сунлин.**
Лисы чары, или Легенды об оборотнях / Пу Сунлин ; [перевод с китайского, вступительная статья и комментарии В. Алексеева]. — Москва : Эксмо, 2025. — 192 с. : ил. — (Комильфо. Страшные сказки Азии).

ISBN 978-5-04-218559-5

«Небесная лисица имеет девять хвостов и золотистую шерсть; она может проникать в тайны мироздания, покоящиеся на чередовании мужского и женского начал».

В «Лисьих чарах» собраны рассказы о призраках, лисах-оборотнях, феях, населяющих мир потустороннего, тесно связанного с реальным миром. Его обитатели взаимодействуют с обычными людьми, меняют их судьбы и участвуют в повседневной жизни.

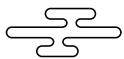
УДК 821.581-32
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-218559-5

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

У всякого народа, в особенности на заре его культурной жизни, есть смутное чувство, говорящее ему, что те животные, которые его окружают, не так уж далеки от человека, как это кажется, судя по отсутствию у них членораздельной речи — этой типичной принадлежности человеческой породы животных. Наоборот, именно эта жуткая странность, при которой, будучи в данный момент довольноими и веселыми, животные не смеются; желая сейчас что-то сказать, не говорят, — эта странность пугает, как неразгаданная тайна, и двуногий царь природы начинает сомневаться в своем непрекаемом властительстве: наоборот, ему кажется, что его окружают существа, от которых он зависит, которые могут диктовать ему свою волю, благоволя ему или вредя. Одною из таких неразгаданных тайн человеку всегда представлялась лисица — та самая лисица, которая, с одной стороны, была ему неприятна, воруя у зазевавшегося хозяина кур, но

с другой — весьма приятна в качестве превосходной шубы, сшитой из шкуры тех лисиц, что, в свою очередь, зазевались и попались в руки предприимчивому охотнику.

Кто из нас не знает, какими качествами наделил куму-лису, Лису Патрикеевну, воровку лису русский человек? Кто не знает таких выражений, как «лисить», «лису петь», «подпускать лису», «лисой пройти», не «волчий зуб — так лисий хвост», «лиса своего хвоста не замарает», «кабы лиса не подоспела, то бы овца волка съела» и т. п., в которых лиса является образом человека — лукавого, хитрого, пролазы, проныры, корыстного льстца? Русский народ, конечно, не оригинален в данном отношении, и все вышесказанное является лишь примером человеческой изобретательности, первобытной, простодушной, наивной. Ей еще так далеко до развитого миропонимания, прошедшего школу научного наблюдения и успокоившего свое жуткое ощущение соседства непонятных животных пониманием биологической панорамы.

Китайский народ прежде всего не отставал в этом отношении от других. Так, ему лиса представлялась всегда символом осторожности и недоверчивости. «Лиса сама закапывает, сама же и раскапывает» — при такой подозрительности никакого дела нельзя сделать. Затем, китайцу лиса точно так же, как и другим народам, кажется хитрым и лицемерным существом, водящим за нос сильных и свирепых зверей, как, например, в одной басне,

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

известной не только одним китайцам (хотя и помещенной в одном древнем тексте), — в басне о лисице, идущей впереди тигра и принимающей на свой счет почтительное поклонение, расточаемое встречными, конечно, только тигру. Далее, так же как и у нас, лисица в Китае представляется существом, одаренным особой способностью к вкрадчивому лицемерию, легко обольщающему жертву и потом безжалостно ее же эксплуатирующему. Наконец, все эти качества, на которые жалуется создающий басни и поговорки крепкий задним умом наивный человек, подчеркиваются китайцем, когда он говорит о лисе как об определенно злом существе, одинаковом в этом отношении с шакалом и волком, хищном, свирепом, отвратительном. Отвращение к лисе видно даже в таком китайском выражении, как «лисий запах», означающем противную вонь, идущую от больных и неопрятных людей из-под мышек.

Однако китайцу — не в пример, по-видимому, прочим — лиса представляется и полезным существом. Не говоря уже о ее шкуре, ценимой не менее, чем где-либо, китайская медицина знает весьма полезные свойства лисьего организма, части которого, например печень, могут исцелять злую лихорадку, истерию, внезапные обмороки, а мясо ее вообще может, как говорят даже солидные китайские медицинские трактаты, — в особенности если его приготовить должным образом — исцелять случаи «крайнего испуга, обмороков, бессвязной речи, бес-

причинных, безрассудных песен, скопления холода во внутренностях, злостного отравления» и других подобных болезней. Лисья кровь, как говорит в своем знаменитом сочинении один из китайских мыслителей первых веков до нашей эры, сваренная с просом, дает способность избегать опьянения, и т. д. и т. д. Одним словом, лиса, оказывается, не так уж безнадежно плоха. Наоборот — и здесь китайская фантазия идет, по-видимому, впереди всех народов, — она оказывается наделеною редким свойством долголетия, достигающего тысячи лет, и, значит, вообще сверхчеловеческими, даже прямо божественными особенностями. Эти качества прежде всего делают ее, конечно, доброю, ибо такова воля умилостивляющего ее человека, который, страшась и подозревая ее в душе своей, боится ей это показать. Так, девятихвостая белая лисица, жившая в горе Ту, явилась древнему герою китайского исторического предания, императору Юю (XXIII в. до н. э.), и он женился на ней, как герой на фее. «Небесная лисица, — говорит другое литературное предание, — имеет девять хвостов и золотистую шерсть; она может проникать в тайны мироздания, покоящиеся на чередовании мужского и женского начал».

Эта волшебная фантастика, которой китайский народ, неизвестно даже с какого времени, окутывает простого плотоядного зверька, разрастается до размеров, которые, по-видимому, совершенно чужды воображению других народов.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Вы проходите по китайским полям и вдруг видите, что перед каким-то курганом стоит огромный стол, на котором покоится ряд древнего вида сосудов, знамена, значки и все вещи,ственные, насколько вам известно, только храму. Вы осведомляетесь у прохожего мужичка, что это такое, и слышите в ответ: «Это фея-лиса» (хусянье). Она, видите ли, живет где-то тут в норе, и ее упрашаивают не вредить бедному народу — и не только не вредить, а, наоборот, благодетельствовать ему, как благодетельствуют прочие духи. И вы действительно читаете на знаменах и особых красивых лакированных досках крупные надписи: «Есть у меня просьба — непременно ответишь!», «Смилиуешься над нами, стадом живых» и т. д. Словом, лиса становится анонимным божеством, равноправным со всеми другими, которым в Китае имя легион. Вот в этой-то своей роли божества, наделенного к тому же способностью принимать всевозможные формы, начиная от лисы-зверя и кончая лисой-женщиной и лисом-мужчиной, во всяком их дальнейшем разнообразии, смотря по тому, на кого и во имя чего требуется действовать, вот в этом мире превращений лиса и кружит человеческую голову всевозможными химерами, создающими самое необыкновенное течение событий там, где обычная человеческая жизнь проста, убога, скучна. На этой почве и развились повести и рассказы Ляо Чжая, перевод которых здесь печатается. Перед русским читателем здесь развертывается самая прихотливая

картина сверхъестественного вмешательства лисицы в человеческую жизнь. Она окутывает его злым наваждением, не давая ему жить спокойно в своем же доме и веля поступаться самыми насущными вопросами совести. Она обольщает бедного человека своею нечеловеческой красотой и, воспользовавшись любовью, пьет соки его жизни, а затем бросает в жертву смерти и идет охотиться за другим. Лиса превращает его в бездушного исполнителя своих приказаний, велит ему действовать, как во сне, теряя ощущение подлинной жизни. И, боясь злых чар лисы, человек, в сердце которого есть решимость, не знающая сопротивления, объявляет ей войну, ловит ее, рубит ее, натравливает на нее ее врага, сам рискуя пропасть вместе с ней. Однако если он действует исподтишка, если он, вместо того чтобы самому проявить героизм, идет к колдуну за талисманом или если он, обладающий красивой своей лисьей подругой, желает от нее избавиться подловатым образом, стараясь при этом ничем не рисковать, — то горе ему! От него лиса отнимет все, что когда-либо ему дала, вынет семя жизни и погубит бесповоротно и окончательно.

Но, вмешиваясь таким образом в жизнь человека, лиса не всегда действует зло. Верно, что она морочит глупых людей, глумится над алчными и грубыми, охотящимися за счастьем, которое им на роду не писано. Верно, что она жестоко наказывает за распутство, а главное, за вероломство и подлость

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

по отношению к ней же, — но разве может все это быть сопоставлено с теми нечеловеческими радостями, которые создает появление в серой и убогой жизни человека обольстительной красавицы, не требующей ничего такого, что осложняет жизнь, и отдающейся человеку прямо и решительно, погружая его сразу же в подлинное счастье, в то не заслуженное и огромное, что в жизни творит жизнь и за которое человек идет на все, даже на свою явную погибель. Лиса приходит к человеку сама, влюбляет его в себя, любит его, становится восхитительной любовницей и верной подругой, добрым гением, охраняющим своего друга от злых людей. Она является в жизнь ученого еще более тонкою, чем он сам, и восхищает его неописуемым очарованием, которое человеку, женатому на неграмотной, полуживотной женщине, охраняющей его очаг и отнюдь не претендующей на неиссякающее любовное внимание, является особенно дорогим и которое развертывает всю его сложную личность, воскрешает ее. С легким сердцем устремляется он к своей гибели. Очертя голову и повинувшись зову очарованной души, он сам, своими же руками разрывает сети колдуна, в которые попала его чародейка, — и тогда она преображается, несет ему исцеление и, прощаясь с ним, ловко и легко устраивает ему счастливую, теперь уже мирную жизнь. Однако не претендуй, жалкий человек, на счастье, которого ты не заслуживаешь! Лисий смех, леденящий душу, раздается в ответ на твои просьбы, и глупейший

мираж будет дан тебе в удел вместо грубого счастья, которого ты цинично себе просишь.

Лиса не только женщина. Она может также явиться человеку и в образе мужчины. Это будет тонко образованный ученый, беседа с которым окрыляет дух; он будет товарищ и друг, преданный беззаветно и искренно, ищущий себе ответа в глубине чужой души, но возмущающийся и казнящий своего товарища за всякую попытку использовать его божественную силу в угоду грубому аппетиту. Лис живет вместе с человеком, ничем не отличается, кроме свойственных ему странностей, но иногда он — невидимка и посыпает свои чары только одному своему избраннику, сердце которого не заковано обывательским страхом и слепыми рассказнями. Лис-невидимка — все тот же преданный друг, иногда, правда, непостижимый в своих действиях, похожих скорее на действия врага, но потом действительно оказывающийся подлинным золотом.

Неся человеку фатальное очарование, приводя его к границам смерти, лиса сама же несет ему исцеление, помогающее как ничто на свете. Она хранит пиллюю вечной жизни, горящую в вечном сиянии бледной колдуньи-луны и способную оживить даже разложившийся труп. И перед тем как стать бессмертным гением надземных сфер, она еще раз вмешивается в жизнь человека и несет ему мир и счастье.

Переводчик и автор этого предисловия предполагает, что эта фантастика, это причудливое смеше-

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

ние мира действительности с миром невероятных возможностей может волновать русского читателя, если он хоть немного склонен к обособлению от жизни, и дать ему ряд переживаний, которые для русской и европейской литературы вообще необыкновенны и интересны.

Эти «Записи необыкновенного, сделанные Ляо Чжаем» («Ляо Чжай чжи и»), можно сказать, не боясь преувеличения, являются в Китае самой популярной книгой. Более того, принимая во внимание число людей, могущих вообще держать книгу в руках, среди общей массы пятисот миллионов китайцев, мы можем, пожалуй, утверждать, что эта книга является если не самой известной, то, во всяком случае, из таковых, говоря теперь уже обо всем земном шаре. Благодаря совершенной свободе печати и издательства, отсутствию понятия о праве собственности на какое бы то ни было литературное произведение, раз оно уже увидело свет в печати, благодаря дешевизне труда и бумаги, эту книгу вы встретите в любой книжной лавке, на любом книжном уличном развале или лотке; вы увидите ее в руках у людей самых разнообразных положений и состояний, классов, возрастов. Книгу эту прежде всего читает, читает с восторгом и умилением перед образцом литературной изысканности всякий тонко образованный китаец, не говоря уже про людей с образованием, по качеству средним и ниже среднего, — людей, для которых Ляо Чжай — восхитительная недостижимость. Однако и для тех, кто

не особенно грамотен, то есть не имеет того запаса литературного навыка и даже попросту запаса слов, которым располагает образованный китаец, Ляо Чжай — настоящий магнит. Правда, такой читатель понимает сложный, весь блещущий литературной отделкой текст из пятого в десятое, но даже самая фабула, самое мастерство рассказчика, развивающего перед читателем восхитительную картину человеческой жизни, пленяют его настолько, что он не выпускает из рук этой книги и, конечно, не менее образованного знает содержание ее четырехсот с лишним рассказов, как содержание самых ходячих анекдотов.

Однако нам может быть понятно, что читателю этого типа крайне досадно видеть себя в жалком положении человека, питающегося крохами от трапезы господ своих, и он естественным образом всегда стремился, так сказать, к уравнению своих прав. И вот если вы пройдете по Пекину, выйдете за ворота маньчжурского города, пройдете по главной улице до Храма Неба, то в этой части столицы вы увидите ряд чайных, где китайский простолюдин внимает своему шошуды, то есть рассказчику, обладающему особым талантом и развитым уменьем переложить текст и даже стиль Ляо Чжая в такую форму, которая, сохранив все богатство оригинала, создает особую ритмическую разговорную речь. Таким образом, здесь совершается художественное претворение книжной непонятной речи в живую и понятную — и китаец малообразованный оказы-